

6

Первый период развития русской критики XVIII века отличается от других и своим методологическим характером и содержанием. В соответствии с задачей нормализации литературы и литературного мышления, с задачей фиксации понятий искусства и его теории, этот период имел по преимуществу нормативную методологическую установку. Литературное произведение рассматривали при этой установке, не учитывая ни его индивидуальной идейной направленности и выразительности, ни законов мировоззрения его автора, ни принципов данного художественного задания или стиля, отправляясь от общих законов и даже конкретных правил искусства, незыблемых и не подлежащих критике индивидуального вкуса. Искусство мыслилось как система твердых понятий. Оно должно было опереться на отчетливые структурные законы эстетической логики. Литератор-критик обязан был располагать этой системой понятий, законов, правил, неизменных и обязательных не только для него, но и для всех людей вообще, не допускающих оспаривания или какой бы то ни было дискуссии. Система устанавливала критерии оценки, так как она утверждала определенный ряд художественных элементов как положительный, достойный, принятый искусством и тем самым безоговорочно отвергала и осуждала все остальные художественные элементы, признавала их дурными, антихудожественными, вредными. В соответствии с этим критика сводилась, в сущности, к логическому акту подведения данного художественного произведения, как частного случая, под норму искусства, — в пределах *правил* данного поэтического жанра, — как общего понятия и закона, и к проверке данного произведения эталоном общего понятия правил жанра. Если все элементы произведения соответствовали норме, произведение признавалось превосходным, прекрасным; если большинство элементов соответствовало ей — произведение признавалось **хорошим**; если меньшинство элементов соответствовало ей — дурным. Сама же норма из произведения не извлекалась, и критика не столько объясняла или истолковывала произведение, сколько судила его. Никогда в другое время критика не походила в такой мере на судебный процесс, где судья сурово, решительно и безапелляционно изрекает приговор, продиктованный статьями кодекса, не им созданного, но для него обязательного и даже священного. Поэтому-то критические статьи и высказывания Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова так резки и редко вводят оттенки, примирительные формулы или полупризнания ценности обсуждаемого произведения; они знают чаще всего лишь две краски, два суждения: плохо и хорошо, виновен или невиновен — в применении либо ко всему произведению в целом, либо к его